

АНДРЕЙ САННИКОВ
ПОДЗЕМНЫЙ ДИРИЖАБЛЬ

Я говорил тебе, ненужное дыханье.....	3
За четыре страницы руки... ..	3
Проникая сквозь воздух волнистый.....	3
На рельсах прорастает шерсть.....	3
Идёт ли вяленая кровь... ..	4
Во тьме, по вогнутому дну... ..	4
Навылет пролетает самолёт... ..	4
Нежнее ножниц стриженной бумаги.....	5
Как бы ангел домой летает... ..	5
В то время, когда на часах ещё нет и семи... ..	5
Остригивая мыльных птиц.....	6
Ты устроен, утроен пристенно... ..	6
Ладони медленного ветра... ..	6
Молитва молочных камней.....	6
Как хорошо, когда в пустых лесах... ..	7
На подоконниках вода.....	7
Когда, наклоняясь, темнеет и мокнет закат.....	7
На вялом горизонте поезда.....	8
Лоботомия белены – и хлор... ..	8
Уже невмочь. Даймоний отощал... ..	8
Сухие тени, тихий сноп совы.....	9
Листва осталась, но враздрай.....	9
Тревога – это белый гвоздь любви.....	9
И медный сыр с отверстиями в сыре... ..	10
Этими ночами.....	10
Вот тёплый голубь плача моего... ..	10
Серебряное нёбо. Стоматит... ..	11
Венозная! Возница-зной... ..	11
В железных дурдомах.....	12
Письмо (гребцами на автобусных галерах...) ..	13
Я про себя три раза повторил.....	13
Олоферн. Олигарх. Ономастика сна.....	13
...Я не люблю – о ремесле. Но две... ..	14
Как только голые селенья.....	14
То жесты, пустующие, будто жечь... ..	14
Из стихотворений Н. Векшина 1922 – 1927(?) гг.:	15
1. В синематографе (ходит смерть между рядами кресел...) ..	15
2. Воробей (Пососёт карандаш и напишет...) ..	15
3. Галлиполиец (сомнамбула Стамбула погоди...) ..	15
4. Подвиг (Такие приступы тоски, такие...) ..	16
5. Путешествие к жене (...В бинокль на её лицо...) ..	16

Я говорил тебе, ненужное дыхание:
как будто – ничего, но мука – не снести.
Стоишь один в полуподводном храме,
в горсти.

Вот катакомбный сон. Вот стыд, как древесина.
Глядишь во тьму, как выпь, в белёсый негатив.
Обратна темнота, причина – не причина,
простив.

Ты знаешь (сквозняки гуляют по запястьям),
что смерть, как медсестра, бездетна и бедна,
опрятна. Что ещё? И пишет синей пастой
она.

***

За четыре страницы руки,
за – но ты понимаешь ли? – даром
этот глянцевоый отблеск тоски,
этот кожистый свет под ударом.

За обол, за безвольный обряд,
травяное дыхание бумаги,
за оглохший старинный парад,
за мучнистые ночью овраги –

ровный голос обидчивых рек,
говорящий подобно июлю.

Бог с тобой, я простил этот грех.
Да и ты не печалься впустую.

***

Проникая сквозь воздух волнистый
я гляжу на молитву мою
обходящую с белым горнистом
мертвецов в облетевшем раю

нагибаясь над каждым как доктор
нажимая трубою на грудь
надувая надувшимся горлом
называя по имени вслух...

***

На рельсах прорастает шерсть.
За горизонтом ходят пули,
как за стеной. Страница 6
страница 7. (Перевернули.)

Как бы кивающий сквозняк
свои разглядывает ногти,
не поднимая глаз. Здесь так
так страшно, что позывы к рвоте.

***

Идёт ли вяленая кровь
из-под надрезанной клеёнки?
Из-под ногтей у докторов
видны рентгеновские плёнки.

Под мышками висят ножи.
Когда я поднимаю руки –
ножи летают, как стрижи,
визжа и радуясь, как суки.

О, осень! Оленина слёз!
Я ел тебя в конце охоты
на фоне вянущей пехоты,
сопровождающей обоз.

***

Во тьме, по вогнутому дну,
в съедобных снах, с лицом в занозах –
я пересёк свою страну
на деревянных паровозах,

засовывая по пути
ладонь в рентгеновские реки,
глотаю горлом из горсти
пропромедленные веки,

сжимая свой язык в зубах,
перемежаясь с дождевыми,
мыча и прижимая пах
за загородкой с ножевыми –

я рассчитался с неживыми.

***

Навылет пролетает самолёт
пустое небо. Выпавший пилот
как патефон о родине поёт
четыре километра напролёт.

А самолёт пропеллером мутит
как воду воздух. Сам себе летит
по небу мёртвых – слушая иврит –
туда, где на балконе Бог стоит.

Господь возьмёт из воздуха его,
пропеллер остановит у него:
«Все собрались, и только одного
тебя мы ждали. Тише. Ничего».

***

Нежнее ножниц стриженной бумаги
Господень день над низкою землёй...
Распавшимся по сгибам ветхим взглядом
Душа глядит, невидима собой.

Гляди, душа, – обошенное тело
с нагрешейся цепочкой у ключиц
стоит босое. Сердце бьётся слева.
Судьбе тебя уже не различить.

Лишь лёгкий слух соломенную лодкой
плывёт по мягким водам сентября.
А голос глух. И уплотненья в стёклах
сползаются, выстраиваясь в ряд.

***

Как бы ангел домой летает
кровянистый, травяной, деревянный
над обыденными холмами
беловато-тёмной страны

жизнь моя! – убывай, улыбайся –
так слепые сквозь воду видят,
так слепые сквозь воду пьют

хорошо я пожил ненужным –
обернулась, заулыбалась –
ангел мой – убывай, улыбайся –
ты летаешь, а тени нет.

***

В то время, когда на часах ещё нет и семи
(о том же, о чём это время – ещё и поосно –
ещё и отснятый, синхронно озвученный поезд –
но только не дочь, только Боже её сохрани!),

когда на весу на ветвях это сердце поёт –
короткое горло наполнено лёгкой водою
по-птичь, по-жабьи (точнее!) – по-бабьи, по-вдовьи,
неостановимо! – когда этот мёрзнувший пот –

когда на листве – но к восьми – ни сластей, ни листвы,
ни стёкол стеклянных, ни даже уже половины
восьмого – не стало – восьмого – не нужно, не видно –
ни даже уже – полвосьмого – ни даже вины.

***

Остругивая мыльных птиц,
сидят подводные татары.
У них колени, будто фары,
но жалко, что не видно лиц.

полупрозрачные отары
стоят стадами стеклотары.
Господь лежит глазами ниц
с клоками ваты из глазниц.

***

Ты устроен, утроен пристенно,
достигнув тоски, нарезаю
– и ни нож, и не нежен, как не жил,
но кожа жива, обмерзая

по лощинам, где лущат железистый
сдвоенный лёд у воды,
где коленями сводит Рим Семирамида,
сдирая сады.

Колотун.

***

Ладони медленного ветра
ложатся на плечи мои.
Он говорит мне об ответах,
он говорит о том, что мы

увидим длительное время
сквозь травянистые поля,
сквозь остывающие реки,
он говорит мне, что земля

зерниста и полупрозрачна,
а воздух порист, бел, как мел.
Латунные простые злаки
стоят в сиреневой золе.

Он говорил со мной и плакал.
Он говорил, а я незряче
и молча на него глядел.

***

Молитва молочных камней:
помилуй Господь и спаси от железных зрачков этой жизни.
Над рощей гораздо темней –
лишь светятся пепельным светом воздушные слизи.

И не прекращается вопль
граммофонный то справа то бабий то слева хрипящий.
И время открывшись как вонь
на стебле цветёт мокроватой коричневой пастью.

Помилуй Господь и спаси.

***

Как хорошо, когда в пустых лесах
летает улыбающийся страх

и под руку, как Блок и Гумилёв,
гуляют мертвецы среди стволов,

цитируют себя и, например,
про стихотворный говорят размер.

Во вторник страх мне вот что рассказал:
что книга есть не поезд, а вокзал,

где голос объявляет в микрофон,
какой состав и на какой перрон.

Как все куда-то кинутся бежать!
Начнут в дверях толкаться и визжать!

А выбегут – стоят в пустом лесу,
держа детей и вещи на весу.

***

На подоконниках вода,
вокруг ночные города.

Шахтёры воют из земли,
как корабли.

Их жёны смотрят из окна
(у каждого своя жена).

Навзрыд, навывате, навзрыд
стеклянная звезда горит

из-под сукна.

***

Когда, наклоняясь, темнеет и мокнет закат,
а ветви деревьев, как белые кости, лежат
на длинной земле, под которой видны города,
где мёртвые ходят за хлебом и смотрят сюда –

тогда начинается чинное горе ночей:
часы на руке – как бы стук по тарелкам ножей,
шуршание книги – как будто ладонь о ладонь,
а выключишь лампу – останется чёрный огонь,

который подвинется ближе и смотрит в глаза,
и станут стучать за стеной по стене образа,
и веретеном этот голос, вращаясь, поёт.
Ты спишь до полудня, заткнув кулаком себе рот.

***

На вялом горизонте поезда,
поматываясь, движутся направо.
На небе выколото слово «Слава»
и синеватая звезда.

Как бы кино. И звук из-за спины
напоминает быстрое рыганье.
Светает и мелькает со стены
в каком-то Абакане.

***

Лоботомия белены – и хлор
отбеливает так, что до костей
бельё болит, расстриженное в хор.
Стеклянные стаканы для гостей
густеют так, что ногти у кистей
(перемотай. Давай дадим повтор).

Обалтывай налево и т. д.
Вот волокнистый – заболонь – язык!
Вот волчий за полночь – (останови!) – и где?
И – далее про то же? Я отвык.

Какие части речи не срамны?
Господь не выдаст, и свинья не съест.
Инерционный двигатель страны.
(Вот поезд отъезжает, как подъезд.)

***

Уже невмочь. Даймоний отощал.
«Домой, домой!» – мне сурдопереводом
сигналит он. Уйду самоотводом.
Я, как умел, прощался и прощал.

Эскадра дара наискось идёт.
Рябая жизнь колотится на плёнке.
Глотая целлулоидные локти,
мигающей воде ты смотришь в рот.

Пилоты плоти режут виражи.
Блюют литавры. Публика бликует
биноклями – какие тиражи!

Пригнись, а то опять опубликуют.

***

Сухие тени, тихий сноп совы.
Июль. Ну, что теперь? Тепло железа –
как противень с хлебами из травы
и серой пыли. Поздно, даже если

забыть о том, что медленная ночь
уже длиннее, чем была в июне,
уже спокойнее июня. Но
как поздно здесь. Какое полнолуние.

Желта. Желта керамика луны.
Луна гудя идёт, толкая воздух.
О господи – какие сны войны.
О господи – как поздно здесь. Как поздно.

***

Листва осталась, но враздрай.
Моторы, миро, микротравмы.
Вполоборота эти травы –
подводный мир. Неровный край.

Погода гопников. Колтун.
Гортань. Стрекательные трубы.
Сюжет закручен слишком туго.
Восьмёрка. Низкий звук. Сатурн.

Подробнее всего ладонь
на развороте винной книги.
Калигула. Стекло каникул
растительное. Но не тронь.

Гляди, личина. Озирай –
бела объявленная келья.
Вращающиеся деревья.
Полупоклон. Неровный рай.

***

Тревога – это белый гвоздь любви,
который заколачивают в сердце.
Дыхание, проваливаясь сверху,
теряет очертания свои.

Любовь неназываемо страшна.
Она – как будто облучённый город.
И пахнет йодом порванное горло.
И речь мучительна и не слышна.

***

И медный сыр с отверстиями в сыре
я выкопал из сельдяной земли.
А что до рек – то их у нас четыре.
А что до городов – у нас их три.

Здесь все деревья повторяют жесты
и, если входишь утром в ровный лес, –
густые птицы, подымаясь кверху,
касаются дыханием небес.

Запотевает небо. Выйди в поле –
валун, как мёртвый, на меже глядит.
О, Господи! За что мне этот голос,
за что мне ветер веки холодит?..

***

Этими ночами
на небе легко:
белый отпечаток
кружки с молоком.

Тихий и холодный,
ясный и простой,
четырёхугольный
мир стоял, как стол.

Кашляющий тополь
за столом сидел.
На свои ладони,
кашляя, глядел.

***

Вот тёплый голубь плача моего
глядит на город с тихого плеча.
Среди несчастных и простых домов –
просторная и внятная печаль.

А в каждом доме – круглые столы.
А в каждом доме – белый скрип дверей.
Сжигают листья и дымят костры
на каждом остывающем дворе.

***

Серебряное небо.
Стоматит.
Сквозняк посмертный
дёсны холодит.

Он обернулся
и открыл глаза:
по небу шла
некрупная звезда.

Налево –
наклоняющийся звон,
направо – дым кадильный
похорон.

А за рекой
из вытянутой тьмы
рентгеновской –
прозрачные холмы
бесчисленные.

Люди на холмах
держали свечи
в согнутых руках.

***

Венозная! Возница-зной
вожжами бронзовыми знает,
пересекая голос мой,
о том, что после будет с нами.

Толчками узнавая звук
лоснящийся, наклонный, жадный, –
кровь озирается из рук.
Возница меркнувший, куда мне?

Вот и спроси его спроста.
Вытягивая слух на ощупь, –
спроси его. Прощённым проще.
Осталось досчитать до ста.

***

В железных дурдомах,
где иней и солома,
где кожа, будто клей,
где снег сухой во рту, –
меня спасло одно:
предощущенье дома,
похожего на тот,
в котором я умру.

Когда моей рукой
мне кто-то резал вены,
когда вокруг, визжа,
откатывалась кровь,
когда напололам
распахивались двери –
я не нашёл свой дом
среди чужих домов.

В проломленных церквях,
в продавленных общагах,
в прокисших деревнях,
почти сходя с ума,
обнашиваясь и
слабея и нищая, –
я не нашёл свой дом,
впадая в дурдома.

Я помню этот дом
(а я его не видел,
он одинок, вокруг –
слюда или вода),
в который я войду
и никогда не выйду,
в котором я смогу
остаться навсегда.

***

Окостеневшие верёвки,
остекленевшее бельё.
Мир в заморозки так подробен –
как небогатое жильё.

Как будто кошки на деревья,
балконы влезут на дома.
Простой замок на нашей двери
копейкой отопрёт зима.

И через силу, еле-еле,
мы, сидя в кухне, говорим.
И на черствеющую землю
намазан тощий маргарин.

***

Письмо

гребцами на автобусных галерах
мы были днём а по ночам мы были
старательные грузчики любви
все наши биографии угрюмы и так нежны
что никому не надо
их знать а сема смерти очевидна
и совпадает с родиной как тень

***

Я про себя три раза повторил
всю эту жизнь, но, глядя на запястья,
я вижу, что не выучил урок.

Коснёмся правил, воздуха, перил –
как перерыва, или же несчастья –
как голоса, вытягивая слог.

Господень! Так окликнули тебя
в сенях протяжных в августовский полдень.
Окликнули – ты обмер и запомнил, –
но слева или справа – оглянись! -

не оглянулся, горло беребя.

***

Олоферн. Олигарх. Ономастика сна.
Не годится. Второй вариант: наступил
алкоголь. Френология танцев. Тесна
рвота-горлица. Краснодеревщик-распил.

Где я видел его? Иоанн ли (твоя
принакрытая нимбом на блюде от мух),
ли Горгона? Вот фобость Юдифи! Поя
про себя, про запас, про прости или вслух –

о, опамятуйся! Вар, верни! Фоломей!
Веверлей! – масло, блеск, водяные ступни!

Рефлекторно – мосты. Постепенно – скромней:
Олоферн Волобуев.
Стук стыков.
Огни.

***

...Я не люблю – о ремесле. Но две
пугающие совпадением строчки
скорее говорят не о судьбе,
а говорят о медленной отсрочке.

Обилен Бог, а на миру – страшней.
Заглянешь в этот вытянутый воздух –
щепы на птичьих крыльях у теней,
летающих парой, но как будто – порознь.

Когда на небо смотришь, то глаза
его почти не видят – будто лопасть
проносится – а разглядеть нельзя –
и помнишь только тесноту и лёгкость.

***

Как только голые селенья
войдут, взирая, в города
потрескивающего пенья –
ты вдруг очнёшься. И тогда

лифт водяной полуподвальный
надавит в сахарный кирпич
и полночь, фразой овальной
зевая, спросит час и пить.

Присни себе покой и волю,
любой размер любых имён.

Но нашатырный спирт-католик
уже на резкость наведён.

***

То жесты, пустующие, будто жесть
без тяжести, то сообщения с мест,
то спишь, то проснёшься и выйдешь,
то в городе этом увидишь
походы дыхания, длинные дни,
глаза голосов. Отвернись, оберни.

***

Из стихотворений Н. Векшина 1922 – 1927(?) гг.

В синематографе

ходит смерть между рядами кресел
говорит с людьми глядит в билет
приложил ладонь к груди – нательный крестик
нет

вот она глаза свои поднимет
светлые глаза
и моё негромко скажет имя
и погаснет зал

а когда раздастся этот стрекот
слышимый слегка наискосок
коротко и быстро сунет кто-то
шило мне по рукоять в сосок

Воробей

Пососёт карандаш и напишет,
длинногубым лицом шевеля:
«Я люблю, когда ночью о крышу
бьют ветвями вон те тополя», –

и поднимет глаза на окошко,
а потом снова смотрит на стол –
карандаш, перочинный нож,
крошки хлеба, бумажный листок, –

размышляя: опять напиться?
то ли просто пойти лечь спать?
Прилетает некрупная птица,
начинает скатерть клевать.

Галлиполиец

сомнамбула Стамбула погоди
который день не евши у меня
(зачёркнуто) тридцатку на три дня
я не знаком с тобою уходи

запнувшись отшатнувшись не упав
как пьяный (неразборчиво) рукав
ворочая опухшим языком
я уходи с тобою не знаком

***

Подвиг

Такие приступы тоски, такие...
До перехода две версты. Россия.

я вышел – только неживой
с одной но слева – ножевой

как небо это высоко
как это небо далеко

как (неразборчиво) судьба
хохочет с каждого столба

просись просись в мертвецкий рай
...проснись проснись не умирай

Путешествие к жене

«...В бинокль на её лицо –
курносое, родное, жабье,
покуда тень от дирижабля
ложится на её крыльцо».

Сюжет забыт по сговору. А жаль –
Д'Аннунцио, Boris Poplavski. Вкратце:
тридцатый год. На деньги Лиги Наций
в Норвегии отстроен дирижабль.

Белогвардейцы, огибая Ревель,
летят к Москве – дней восемь? – я не помню, –
бросают электрические бомбы
на Сталина и Каменева в Кремль

на первомайском авиапараде.
Сшибают два, нет – три, нет – два биплана,
с попутным ветром – гениальность плана! –
идут над Волгой, вплоть до Ярославля.

Здесь происходит выброс экипажа
на парашютах – все они спасутся
через Иран и Польшу. Остаются
подробности о без вести пропавшем

Н.Векшине. Когда моторы смолкнут
(чихнув) и шелест ветра станет слышен,
заштатный город П. покажет крыши
Н.Векшину, который сверху смотрит

в бинокль на её лицо –
курносое, родное, жабье,
покуда тень от дирижабля
ложится на её крыльцо.